

**Путь: Орган русской
религиозной мысли**

13. Октябрь 1928

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 13. Октябрь 1928 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 116 с.

ISBN 978-5-458-23487-0

ISBN 978-5-458-23487-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мы утверждаемъ, что теоріи, противъ которыхъ мы возражаемъ, не могутъ притязать на значеніе точнаго научнаго знанія. Было ли Второзаконіе закрѣпленіемъ пророческой реформаціи? Или, наоборотъ, пророки звали народъ жестоковыйный вернуться къ закону, нѣкогда данному и пришедшему въ забвеніе? Въ какомъ отношеніи находятся книга Левитъ и части Пятокнижія, содержащія обрядовый законъ, къ послѣднимъ главамъ книги пророка Іезекіиля? Что раньше? Точнаго историческаго знанія по этому вопросу быть не можетъ. Одной гипотезѣ противостоитъ другая. То пониманіе, противъ котораго вы возражаете, является съ точки зрѣнія исторической науки гипотезою, но для насъ эта гипотеза освящена авторитетомъ Священнаго Преданія Православной Церкви. Отрицательная критика тоже не пошла дальше гипотезъ.

Это же касается и тѣхъ естественно-научныхъ теорій, которыя противоплагаются буквальному пониманію Ветхаго Завѣта, и на которыхъ здѣсь останавливаться неумѣстно.

Нашъ споръ нельзя понимать, какъ споръ наукъ и слѣпой традиціи. Его истоки глубже. Онъ ставитъ вопросъ о религіозныхъ принципахъ толкованія Слова Божія. Изложеніе этихъ принциповъ въ Православіи и составляетъ тему моего доклада.

Священное Писаніе есть Слово Божіе. Оно содержитъ Божественное Откровеніе. Чрезъ него Богъ говоритъ человѣку. Его двуединую богочеловѣческую сущность, присутствующую во всякой теофаніи, во всякомъ явленіи Бога тварному міру, нельзя никогда упускать изъ вниманія. Аналогіею можетъ послужить Халкидонское ученіе о соединеніи естества во Христѣ — несліянно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно. Посредниками Откровенія являлись люди, и оно назначается для людей. Но остановиться только на человѣческомъ, на

человѣческомъ воспріятіи и человѣческомъ воспроизведеніи, сводитъ познаваніе теофаніи къ изслѣдованію чувственнаго опыта познающаго субъекта, — значило бы погрѣшать противъ нераздѣльности и неразлучности являющаго Себя Бога и твари, сподобляющейся явленія.

Подобное пониманіе Священнаго Писанія связано съ православнымъ ученіемъ о Церкви. Церковь свойственна богочеловѣческая природа. Церковь стоитъ на грани міровъ. Церкви даны обѣтованія. Таинства Церкви открываютъ намъ двери Царствія Божія. Церкви принадлежитъ и Священное Писаніе.

Отсюда — предпосылки его толкованія. Православное богословіе толкуетъ Священное Писаніе въ свѣтъ Священнаго Преданія. Священное Преданіе есть голосъ Церкви. Православный Толкователь прекрасно знаетъ, что онъ не найдетъ въ Священномъ Преданіи готовой формулы по каждому интересующему его вопросу. Православная Церковь не обладаетъ непогрѣшительнымъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры. У нея нѣтъ органа, который могъ бы съ формальною безошибочностью рѣшить, что есть и что не есть Священное Преданіе. Есть ясное, и есть неясное. Непреложное содержаніе Преданія въ значительной части закрѣплено въ символахъ и вѣроопредѣленіяхъ Церкви, но не исчерпывается ими. Движеніе богословія — это уясненіе неяснаго, чтеніе Преданія. Мы научаемся внимать ему въ писаніяхъ Отцевъ, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ житіяхъ святыхъ. Это — область изслѣдованія. Каждая отдѣльная мысль святого отца, каждая черта въ жизни святого, еще не выражаетъ непременно Священнаго Преданія.

Въ основномъ Священное Преданіе о Священномъ Писаніи уже раскрыто съ достаточною ясностью.

Прежде всего, Священное Преданіе учить о богодухновенности Священнаго Писанія. Богодухновенность можно понимать по разному. Православное ученіе о богодухновенности связано съ ученіемъ о нераздѣльности и неразлучности Божьяго и человѣческаго во всякомъ откровеніи. Оно не понимаетъ богодухновенности въ смыслѣ общеплодотворнаго укрѣпленія естественныхъ силъ человѣка. Если священный писатель остается человѣкомъ и по-человѣчески стремится достичь той цѣли, которая ему указана Святымъ Духомъ, — то самое указаніе этой цѣли свыше предполагаетъ и сверхъестественный даръ Божественной благодати; священный писатель получаетъ высшее вѣдѣніе, исключющее возможность ошибокъ и искаженій, происходящихъ отъ человѣческой немощи, и облакаетъ сообщаемое ему откровеніе въ наиболѣе совершенную форму, какую только допускаетъ ограниченный человѣчскій языкъ.

Ученіе о богодухновенности Священнаго Писанія есть общая предпосылка его толкованія въ Православной Церкви. Общее свидѣтельство Священнаго Преданія дополняется троякимъ свидѣтельствомъ: о священномъ канонѣ, о текстѣ и о писателяхъ отдѣльныхъ книгъ Священнаго Писанія. Прежде всего — понятіе канона. Свидѣтельство Священнаго Писанія о канонѣ есть уже конкретное свидѣтельство о богодухновенности всѣхъ книгъ, входящихъ въ составъ Священнаго Писанія, и только ихъ однихъ. Это свидѣтельство относится какъ къ Вѣтхому Завѣту, такъ и къ Новому, и связываетъ оба Завѣта въ священномъ единствѣ Слова Божія. Послѣднее существенно. Православный толкователь не считаетъ себя въ правѣ раздѣлять Священное Писаніе, и, воздавая почитаніе Новому Завѣту, отказывать къ немъ Завѣту Вѣтхому. И для православнаго сознанія исполненіе Вѣтхаго Завѣта — въ Новомъ. Покрывало лежащее

на Ветхомъ Завѣтѣ, снимается во Христѣ (2 Кор. III, 14). Но «въ Сынѣ въ послѣдніе дни» открылся тотъ же Богъ, Который многочастнѣ и многообразнѣ древле отцамъ говорилъ во пророкахъ (Евр. I;1). Различіе исполненія и приготовленія, полно-го откровенія и откровеній частичныхъ, вліяетъ и на толкованіе, но общая предпосылка остается неизмѣнною. Правило толкованія текста въ контекстѣ сохраняетъ силу и для Священнаго Писанія, но единство канона распространяетъ понятіе контекста для каждого даннаго мѣста Слова Божія до предѣловъ контекста всего Священнаго Писанія. Смысль сыновняго обращенія Иисуса Христа къ Богу Отцу въ синоптическихъ Евангеліяхъ раскрывается въ Евангеліи отъ Іоанна, которое учитъ о тайнѣ отношеній Отца и Сына. Единый контекстъ Священнаго Писанія обнимаетъ и Ветхій Завѣтъ и Новый Завѣтъ.

Далѣе свидѣтельство Священнаго Преданія касается текста Священнаго Писанія. Такое закрѣпленіе текста оставляетъ мѣсто и для разночтеній, иногда — особенно въ предѣлахъ Ветхаго Завѣта — достаточно широкое. Наличие разночтеній отвѣчаетъ множественности смысла Священнаго Писанія. Какъ читать, наримѣръ, текстъ Дѣян. XV, 20, 29, содержащій постановленіе Апостольскаго собора? Краткая редакція, которая обычно дается въ нашихъ критическихъ изданіяхъ: «воздерживаться отъ идолопожертвеннаго, и крови, и удувленины, и блуда», дополняется въ т. наз. «западной» версіи призывомъ не дѣлать другимъ того, чего не хочешь себѣ. О первоначальномъ текстѣ изсѣдователи не пришли къ одному рѣшенію. Изъ двухъ формъ одна даетъ прямой отвѣтъ на вопросъ объ обязательности для христіанъ обрядоваго закона, являвшійся предметомъ обсужденія на соборѣ, а другая вскрываетъ смыслъ сохраненія нѣкоторыхъ обрядовыхъ предписаній въ духѣ

ученія Апостола Павла, который «для Іудеевъ былъ какъ Іудей», «для подзаконныхъ какъ подзаконный», и для всѣхъ былъ «всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ» (1 Кор. IX, 20, 22). Во всякомъ случаѣ, закрѣпленіе текста дѣлаетъ невозможнымъ произвольное отсѣченіе отдѣльных отрывковъ или цѣлыхъ главъ, какъ это иногда имѣетъ мѣсто, напр., съ Іоанн. XXI, Рим. XVI, и т. д. и т. д. Больше того. Свидѣтельство Священнаго Преданія закрѣпило въ составѣ Священнаго Писанія и такія мѣста, которыя почти единогласно считаются интерполяціями, какъ разсказъ о женѣ, взятой въ прелюбодѣянніи, Іоан. VII, 53 — VIII, 11, и окончаніе Евангелія отъ Марка, XVI, 9-20. Православный изслѣдователь не станетъ доказывать, что эти мѣста принадлежали къ первоначальному тексту Евангелія, т. к. онъ не располагаетъ для этого внѣшними данными, но онъ въ правѣ смотрѣть на эти отрывки, какъ на разночтенія, освященные не менѣе, чѣмъ другія разночтенія, и толковать Евангеліе, считаясь съ ихъ мѣстомъ въ контекстѣ. Такое толкованіе даетъ иногда неожиданные и яркіе результаты.

И, наконецъ, послѣднее. — Священное Преданіе называетъ имена писателей отдѣльныхъ книгъ Священнаго Писанія. Тутъ мы подошли къ вопросу, который для Ветхаго Завѣта имѣетъ особую остроту. Я разумѣю, главнымъ образомъ, свидѣтельство Преданія о Моисеѣ, какъ авторѣ Пятокнижія, Но это свидѣтельство Преданія касается и Новаго Завѣта. Тамъ, гдѣ въ самой новозавѣтной книгѣ стоитъ имя ея писателя, и это имя не нуждается въ дальнѣйшемъ толкованіи, свидѣтельство Преданія о писателѣ уже заключено въ его свидѣтельствѣ о канонѣ. Это касается посланій Апостола Павла — отъ посланія къ Римлянамъ до посланія къ Филимону; посланій Апостола Петра и Апокалипсиса. Иногда это имя нуждается въ тол-

къ тому, что нѣкоторыя библейскія повѣствованія понимаются православными писателями по разному. Такъ, напр., по поводу понятія «дня» въ Быт. I., Блаженный Августинъ говоритъ о невозможности пониманія буквальнаго, Афанасій Великій и нѣкоторые другіе Отцы учили о твореніи мгновенномъ, а иные разумѣли это слово прямо: въ смыслѣ дня астрономическаго. Исторія святоотеческаго толкованія Священнаго Писанія дѣлаетъ безспорнымъ наряду съ толкованіемъ Писанія буквальнымъ право его толкованія аллегорическаго, представленнаго въ твореніяхъ отцовъ александрійской церкви.

Мы можемъ перейти теперь къ частному вопросу. Какъ велика та свобода, которая предоставляется православному толкователю Ветхаго Завета? Какъ понимать повѣствованія книги Бытія?

Къ отвѣту на этотъ вопросъ — методологически — можетъ подвести изученіе Евангелій.*) Единство канона, священное цѣлое Слова Божія, даетъ на это право. Многочисленныя попытки объяснить наблюдаемыя между Евангеліями различія не привели къ одному безспорному рѣшенію. Мы знаемъ, что число научныхъ гипотезъ, посвященныхъ уясненію, какъ синоптической, такъ и Іоанновской проблемы, съ каждымъ годомъ все возрастаетъ и возрастаетъ и не приводитъ къ цѣли. Въ основѣ предлагаемыхъ объясненій лежитъ допущеніе забвенія или тенденціозной переработки подлиннаго Евангельскаго Преданія, т. е. предпосылки, православному пониманію богодухновенности въ корнѣ противорѣчація. Въ свою очередь, эти предпосылки неразрывно связаны съ тою общею исходною точкою, отъ которой отправлялись и отправляются всѣ подобныя объясненія. Эта общая исходная точка есть пониманіе задачи, которая стояла

*) Предлагаемое пониманіе Евангелія обосновано мною въ специальной статьѣ: «Евангелисты какъ историки». («Православная Мысль». 1928, в. 1.)

передъ каждымъ изъ Евангелистовъ, какъ задачи историка, озабоченнаго фактической точностью, яснымъ указаніемъ хронологической послѣдовательности и внутренней связи описываемыхъ событий. Отвѣчаетъ-ли это пониманіе дѣйствительному положенію вещей?

Не подлежитъ сомнѣнію, что такую историческую задачу поставилъ себѣ Лука. Это видно изъ пролога его Евангелія (I, 1-4). Онъ и въ дальнѣйшемъ точно устанавливаетъ связь Евангельской хронологіи съ мѣстной іудейскою и всеобщею исторіею (III 1-2) и постоянно проявляетъ стремленіе соблюсти фактическую точность и дать внутреннее развитіе Евангельской исторіи. Но это касается только Луки. Другіе Евангелисты не заявляютъ о своей исторической задачѣ, не даютъ хронологическихъ вѣхъ, и потому, если ихъ хронологія съ хронологіею Луки не совпадаетъ, то изъ понятія богодухновенности, какъ оно было нами установлено, вытекаетъ неизбѣжность нашего выбора въ порядкѣ оцѣнки исторической въ пользу Луки, и становится ясно, что построеніе остальныхъ Евангелистовъ отъ исторической точности отстываетъ, — но отстываетъ только потому, что такая историческая задача передъ ними не стояла. Различія объясняются различіемъ точекъ зрѣнія. Ветхозавѣтная предпосылка и Евангеліе Церкви съ преобладаніемъ религіозной морали — у Матфея; Евангеліе побѣды надъ міромъ въ чудесахъ, страстяхъ и воскресеніи Божественнаго Царя — у Марка; Евангеліе духовное, дающее не одно только временное выраженіе вѣчнаго, а раскрывающее самую сущность вѣчнаго, превышающую человѣческое познаніе и не допускающую выраженія человѣческими словами — у Іоанна. Основныя идеи отгѣнялись выборомъ фактовъ и поученій и соотвѣтствующею ихъ группировкою, отнюдь не притязавшею на хронологическую точность.

Это важно отмѣтить для пониманія послѣдующаго. Но этого мало. Даже Евангеліе отъ Луки не можетъ быть понято исключительно въ плоскости исторіи. Продолжительность отдѣльныхъ событій и промежутковъ, ихъ раздѣляющихъ, не указана и у него, а явленія Воскресшаго, на которыя въ книгѣ Дѣяній (1,3), тоже написанной Евангелистомъ Лукою, какъ это признаетъ и критическая экзегеза, отводится сорокъ дней, рассказаны въ Евангеліи такъ, что все происшедшее отъ воскресенія со вознесенія можетъ быть умѣщено на протяженіи сутокъ. Хронологическая рамка оказывается слишкомъ тѣсною и для Евангелія отъ Луки. И его содержаніе есть теофанія. И его исторія есть исторія явленія во времени вѣчнаго.

Эти наблюденія, касающіяся Новаго Завѣта, могутъ быть распространены и на Ветхій Завѣтъ. Они устанавливаютъ исходную точку. Ветхозавѣтною аналогіею тѣхъ различій, которыя наблюдаются между нашими Евангеліями, является соотношеніе между книгами Паралипоменонъ, съ одной стороны, и книгами Царствъ, съ другой стороны. Несовмѣстимость обоихъ повѣствованій ставитъ вопросъ о необходимости выбора. Этотъ выборъ дѣлается обычно въ пользу книгъ Царствъ, и тѣмъ умаляется значеніе книгъ Паралипоменонъ. Между тѣмъ, назначеніе Израиля, ведомаго въ своей исторіи Богомъ, многократно являвшимся ему и направлявшимъ его историческій путь, было подготовленіе Боговоплощенія, рядъ послѣдовательныхъ теофаній, которыя вели къ конечной Теофаніи. Ясно, что освѣщеніе историческое, которому скорѣе (но не безусловно — это тоже надо помнить) отвѣчаютъ книги Царствъ, не можетъ исчерпать всего религіознаго смысла изображаемыхъ событій. Наряду съ историческимъ подходомъ возможенъ другой подходъ и другіе подходы. Од-

но изъ такихъ пониманій даютъ книги Паралипоменонъ.

Сказанное можетъ быть отнесено и къ Пятокнижю. Тутъ, однако, сразу напрашивается возраженіе. Надо имѣть въ виду, что какъ разъ тѣ части Пятокнижія, которыя для западной экзегезы являются въ наибольшей мѣрѣ камнемъ преткновенія и содержатъ историческое повѣствованіе о бывшихъ событіяхъ, не имѣютъ параллели въ видѣ другой ветхозавѣтной книги, въ которой тоже послѣдовательно излагались бы тѣ-же событія. Я разумѣю книгу Бытія. Она единственна, и какъ единственная, *должна* содержать исторію. Таково естественное возраженіе. Иными словами, къ книгѣ Бытія надо подходить съ историческими предпосылками, какъ это дѣлаютъ критическіе экзегеты. И такъ какъ изученіе книги Бытія въ свѣтѣ исторіи наталкивается на значительныя трудности, то и является неизбѣжнымъ высказываемое ими отрицательное сужденіе о ея подлинности и достовѣрности. Однако это возраженіе не убѣдительно. Мы видѣли, что даже историкъ Лука не даетъ исторіи въ нашемъ смыслѣ слова. Мы видѣли, что только условно книги Царствъ могутъ быть противопоставлены книгамъ Паралипоменонъ, какъ книги историческія. Книга Бытія повѣствуетъ о томъ, что не могло быть предметомъ человѣческаго опыта: о сотвореніи міра, предшествующемъ сотворенію человѣка. Она учитъ о томъ, что превышаетъ всякій возможный человѣчeskій опытъ: о Божьемъ въ ветхозавѣтныхъ теофаніяхъ, ибо вся книга Бытія есть теофанія, и какъ разъ та теофанія, съ которой начинается путь человѣчества на землѣ: явленія Бога прародителямъ до грѣхопаденія и въ грѣхопаденіи, — обѣтованіе искупленія, истребленіе беззаконныхъ водами потопа и избраніе предковъ Израиля, отъ котораго долженъ былъ произойти Спаситель. Мало того. Указанная ана-